

ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР

Обращаясь к ранним летам жизни необыкновенного царя, невольно стремишься найти на берегах пресловутой реки времени ранние свидетельства неординарности Петра и поэтому особенно внимательно рассматриваешь его учебные тетради, первые письма, записки.

Но ничто не говорит нам о грядущем гении. Мальчик, родившийся в день Исаакия Далматского, 30 мая 1672 года, ничем особенным не отличался от своих многочисленных братьев и сестер. Брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, заключенный 22 января 1671 года, был для 40-летнего царя вторым. От предыдущего брака, с Марией Ильиничной Милославской, родилось 13 детей, среди которых были Федор, Иван и Софья. В 1676 году Алексей Михайлович умер, передав престол старшему из сыновей — Федору Алексеевичу, юноше болезненному и хилому. Федор правил недолго — в конце апреля 1682 года он умер. На совете высших сановников государства судьба трона решается в пользу не следующего по старшинству сына Алексея Михайловича — Ивана, а 10-летнего Петра. Это неожиданное решение было вызвано как активными интригами Нарышкиных, вошедших вслед за молодой царицей во дворец, так и тем обстоятельством, что живой, здоровый мальчик много выигрывал в сравнении со своим старшим братом Иваном, как бы несшим на себе черты вырождения. Возможно, что осознание этого факта, помимо политической борьбы, повлияло на ответственное решение Боярской думы — нарушить традицию передачи трона по прямой мужской нисходящей линии от старшего (Федора) к младшему (Ивану).

Однако группировка Нарышкиных недооценила противника. Милославские во главе с властной, честолюбивой царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов и с их помощью 15 мая 1682 года совершить кровавый государственный переворот. На престоле утвердился триумвират: к Петру присоединился

Иван, а соправительницей на правах регентши была провозглашена Софья — ситуация для Петра в политическом смысле вполне тупиковая. Вдовая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преображенском — одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву.

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали как бы фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность.

По великолепным книгам Ивана Забелина «Быт московских царей» и «Быт московских цариц» мы можем вполне реально представить себе жизнь двора, царской резиденции. Коротко говоря, Кремль XVII века — это мир церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения, освященная традициями замкнутая система, в целом мало способствовавшая развитию индивидуальности. Ни одно публичное мероприятие с участием царя не обходилось без соблюдения довольно жестких церемониальных условий. Выезды самодержца за пределы Кремля — а это, как правило, были богоугодные поездки по окрестным монастырям или церквам — воспринимались как события государственного значения. Даже выход царя на лед Москвы-реки 6 января к «иордани» — ритуальной проруби — в традиционный праздник водосвятия обставлялся как важное событие и назывался «походом», причем в Кремле — по терминологии тех времен «в Верху» — оставалась назначенная царем специальная комиссия бояр и других думных чинов для того, чтобы на время отсутствия царя государству «не убыло и потерьки не было».

Силою политических обстоятельств Петр был как бы выброшен из этой системы. Разумеется, он появлялся в Кремле в дни официальных праздников и аудиенций, но все это было чуждо ему и даже, зная отношение к нему родственников по отцу, враждебно. Преображенское с его бытом летней царской дачи — резиденции, окруженной полями, лесами, дало ему то, что резко способствовало развитию его способностей, — свободу времяпровождения с минимумом обязательных занятий и максимумом игр, которые, как и всегда бывает у мальчишек, носили военный характер, с годами усложнялись, а так как участниками их были не куклы, а живые люди, то обучающее и развивающее значение этих игр было огромно. Уже здесь проявились присущие Петру природные данные: живость восприятия, неугомонность и неиссякаемая энергия, страстность и самозабвенная увлеченность игрой, незаметно переходящей в дело. Благодаря этому «потешные» солдаты и английский бот, найденный в сарае, не остались

только игрушками, а стали началом будущего грандиозного дела, преобразовавшего Россию.

Важно еще одно обстоятельство. Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода — Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. По традиции того времени это поселение купцов, дипломатов, ландскнехтов было отделено от города оградой. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом — так же тесно, как в Европе, — жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы. Этот странный, непохожий на Москву мир занимал любознательное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей непохожестью на мир Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами — интересными, образованными людьми Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, — все это облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира — православной Руси и «богопротивной» Европы, барьера, который и ныне преодолевать так нелегко.

Приход Петра к власти летом 1689 года стал разрешением давно зревшего политического кризиса, вызванного неестественным состоянием фактического двоевластия. Но, как и в мае 1682 года, в августе 1689-го Петр был в значительной степени влеком ходом событий, не направляя их. Благоприятные обстоятельства способствовали свержению Софьи и практически бескровному переходу власти самодержца к нему.

Тогда эта власть еще не была нужна ему как рычаг для реформ, идеи их еще не созрели в сознании Петра. Именно поэтому еще десять лет длился для России ее «настоящий» XVII век, в точности совпавший с веком календарным. Но и это десятилетие не пропало даром для Петра — гений его зрел, чтобы на грани двух веков выплеснуть на страну целый поток идей, ее преобразивших.

Нужно выделить три важных события тех лет, повлиявших на становление Петра-реформатора. Во-первых, это поездка в Архангельск в 1693 — 1694 годах. Обыкновенное «потешное» путешествие в город на Белом море, несомненно, стало событием в жизни молодого царя. Он впервые увидел настоящее море, настоящие корабли, совершил первое плавание в беспокойной и опасной стихии, так непохожей на гладь прудов Подмосковья и Плещеева озера. Это дало мощный толчок фантазии, появилась

мечта о море для России, возник подлинный культ корабля, морской стихии. С той архангельской поры, как писал М. Богословский, «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю»¹.

Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великорусской равнины? Как курица, воспитавшая уплывающего от нее утенка, беспокоилась на берегу мать Петра, Наталья Кирилловна, посылая в Архангельск одно за другим тревожные письма: «Сотвори, свет мой, нада мною милость, приезжай к нам, батюшка наш, не замешкав. Ей-ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света своего, радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ка мне, что хочешь всех кораблей даждатца и ты, свет мой, видел каторыя прежде пришли: чево тебе, радость моя, тех... даждатца? Не презри, батюшка мой свет, моего прашения, о чем прасила выше сего. Писал ты, радость моя, ка мне, что был на море и ты, свет мой, обещался мне, что было не хадить...»²

Но изменить уже ничего было нельзя: корабли, море стали судьбой Петра, были с ним наяву и даже во сне. Сохранившиеся записи снов, которые делал царь уже в зрелые годы, отражают эту всепоглощающую страсть: «1714 г., ноября с 9-го на 10-е: сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге... Сон видел, тогда как в Померанию вошли: что был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции, на котором галиоте поехали и обрат его оборотили на бок и воды захлебнулось, с которого попадали и поплыли к другому ботту, и обратно к дому, и после поехали, и у себя приказал воду выливать»³

Опытный глаз старого моряка и корабела не мог не заметить даже во сне неправильное парусное вооружение корабля, на который поместил его Морфей. После этого понятно становится то уважение, которое испытывал Петр к живописи художника-мариниста голландца Адама Стило, не позволявшего себе художественных вольностей при изображении рангоута и такелажа.

Токарь Петра, Андрей Нартов, в своих «Достопамятных повествованиях...» рассказывает о восторге царя при виде маневров английского флота в 1698 году, когда он сказал,

¹ Богословский М. М. Петр I. Т. 1. М., 1945. С. 193.

² Письма и бумаги Петра Великого (далее сокращенно ПБП). Т. 1. СПб., 1887. С. 490.

³ Семевский М. И. Петр Великий в его снах // В кн.: Слово и дело! СПб., 1885. С. 273—276.

что «на сей случай звание английского адмирала предпочитает званию царя Российского. Толико влюблен был царь Петр в морскую службу!» (см. с. 255 наст. изд.).

О том же пишет английский капитан Д. Перри, близко узнавший Петра уже в России: «Мне не раз доводилось слышать от него самого о намерении его совершить поездку в Англию, как только в собственной стране его восстановится спокойствие, и в те минуты, когда он находился в веселом расположении духа, он часто объявлял своим боярам, что жизнь английского адмирала несравненно счастливее жизни русского царя»⁴.

Это восторженное отношение к морю и кораблям он сохранил до конца своих дней. Ни один спуск корабля или крупные морские походы не обходились без его участия. Он скучал, оторванный от любимого морского дела. Весной 1711 года Петр отправился в Прутский поход, из которого писал Меншикову, сообщившему ему о начале навигации на Балтике: «Благодарствую о извещении тамо благополучному начанию весны и выводу флота, однако ж при том и не без грусти, ибо от обеих флотов лишен»⁵.

Думаю, что это увлечение не случайность, не каприз — было какое-то неуловимое соответствие, созвучие внутреннего мира Петра с образом плывущего корабля под парусами со шкипером на мостике. Корабль — вечная любовь Петра — был для него символом рассчитанной до дюйма структуры, материальным воплощением человеческой мысли, более того, — своеобразной моделью идеального общества, которое опирается на знание законов природы в извечной борьбе с сопротивляющейся слепой стихией.

Вторым важным событием тех лет стали Азовские походы 1695 — 1697 годов — война с Турцией за выход к Азовскому морю. Здесь, на южных рубежах, произошла в эти годы генеральная репетиция тех событий, которые в других, более грандиозных и драматических масштабах развернулись в начале XVIII века уже на западных рубежах. Первоначальные неудачи со взятием Азова, строительство флота в Воронеже, наконец, военная победа над серьезным соперником, возведение на берегу Азовского моря нового города, отличного от традиционных русских городов, — Таганрога — все это мы потом встречаем на берегах Невы и Балтики. Для Петра Азовские походы были первой военной школой, которая, хотя он и оценивал ее впоследствии скептически, все же принесла ему несомненную пользу. Опыт управления большой армией, осады и штурма сильной крепости не прошли

⁴ Перри Д. Состояние России при нынешнем царе // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете (далее сокращенно — Чт. ОИДР). 1871. Кн. 2. С. 105.

⁵ ПБП. Т. 11. Ч. 1. С. 241.

даром для военного гения Петра. Не менее важно и то, что здесь, под стенами Азова в его сознание вошло представление о своем месте, «должности», роли в жизни России. Именно с Азовских походов, а не с момента воцарения, как справедливо заметил советский историк Н. И. Павленко, Петр вел впоследствии отсчет своей «службы» на троне⁶. Именно идея служения России, как он это понимал, стала главным стержнем его жизни, наполняла для него высшим смыслом все его действия и поступки, даже самые неблагоприятные и сомнительные с точки зрения тогдашней морали.

Наконец, третьим событием, повлиявшим на становление личности будущего преобразователя России, стала его длительная поездка за границу в составе Великого посольства в 1696—1697 годах. Петр ехал не как член делегации, а как сопровождающее лицо, среди других дворян и слуг. Это дало ему значительную свободу, позволило детально познакомиться со многими сторонами жизни Голландии, Англии и других стран. И дело было, конечно, не только в обучении мастерству кораблестроителя на голландских и английских верфях. Петр впервые увидел западно-европейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу. Он вывез из Европы не только знания, впечатления, трудовые мозоли, но и идею, которую для себя формулировал предельно просто: чтобы сделать Россию столь же сильной, как и великие державы Европы, надо как можно быстрее перенять у Запада все необходимое. Именно тогда окончательно оформилась ориентация Петра на западно-европейскую модель жизни, и это означало автоматически отрицание жизни старой России, последовательное и порой ожесточенное неприятие, разрушение старого, ненавистного, того, что ассоциировалось с врагами: Софьей, стрельцами, боярством.

Ко времени Великого посольства относится одно любопытное свидетельство — письмо ганноверской принцессы Софии, в котором она очень непринужденно передает свои впечатления от встречи с молодым русским царем 11 августа 1697 года в городе Коппенбрюке. Письмо это — живой документ своего времени — особенно ценно тем, что автор его свободен от предвзятости и литературных влияний, которое неизбежно испытывал современник, встречавшийся с Петром позже, когда слава о его гении и победах широко разлилась по Европе.

«Царь — высокий мужчина с прекрасным лицом, хорошо сложен, с большой быстротой ума, в ответах скор и определителен, жаль только, что ему недостает при таких природных выгодах

⁶ Павленко Н. И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 72—73.

полной светской утонченности. Мы скоро сели за стол. Наш камергер Коппенштейн сделался маршалом и поднес е. в. салфетку. Царь не понял, что это значит, потому что в Бранденбурге употребляют еще умывальницы и полотенцы. Е. в. сел между мною и моей дочерью, а около нас посадил по переводчику. Мы были очень веселы, вели себя вольно, говорили свободно и вскоре чрезвычайно подружились. Дочь моя и царь поменялись даже табакерками: на его был изображен вензель царя, и дочь моя бережет ее как клейнод. Мы, правда, очень долго сидели за столом, но проводили время чрезвычайно приятно, потому что царь был очень весел и беспрерывно говорил. Дочь моя заставила петь своих итальянцев. Царю это понравилось, но он заметил, что этот род музыки ему не совсем по душе. Я спросила, любит ли царь охоту? Он отвечал, что отец его был страстный охотник, но он с детства получил непреодолимую страсть к мореплаванию и к фейерверкам и что он сам любит строить суда. Он показал нам руки и дал ощупать, как они загрубели от работ. После обеда царь велел позвать своих скрипачей, и мы стали танцевать. Он выучил нас танцевать по-московски, что гораздо милее и красивее, чем польский танец. Мы танцевали до четырех часов утра... [Петр] совершенно необыкновенный человек. Его нельзя описать и вообразить, а надо видеть. У него славное сердце и истинно благородные чувства. Он при нас совсем не пил, зато люди его — ужасно, как мы уехали».

В следующем письме, описывая новую встречу с Петром и отмечая в нем «много хороших свойств и бездну ума», принцесса приводит забавную деталь: «Но в танцах, говорят, наши корсеты показались им костями, и царь будто бы сказал: „Какие чертовски крепкие кости у немок“»⁷

В этих письмах отмечены те черты личности Петра, обращать внимание на которые впоследствии стало своеобразной хрестоматийной обязанностью мемуаристов, а потом и историков. Однако, желая дать полную картину, нельзя избежать при дальнейшем изложении подобных замечаний, характеристик, наблюдений, ибо они отражают действительно необычайные черты этого самодержца «всёя Руси», вовсе не присущие его современникам — коронованным особам Запада.

Первое, на что обращали внимание наблюдатели и что их более всего поражало в Петре, — это его необычайная внешность, простота образа жизни и демократизм в общении с людьми разных слоев общества.

Его современник — автор вышедшей в 1713 году в Лейпциге книги, — вспоминая поразившие его в царе привычки и черты,

⁷ Суждение дамы о Петре Великом // Лит. газета. 1841. № 41. С. 163.

писал: «Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают ему величественный и бодрый вид и показывают в нем бесстрашный дух. Он любит ходить в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень пристало. Его величество бывает обыкновенно в таком простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя... Он не терпит при себе большой свиты, и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги»⁸.

Совершенно одинаково он вел себя и за границей, и дома. Шведский дипломат Прейс, встречавшийся с Петром в 1716—1717 годах в Амстердаме, среди особых черт царя отмечал: «Он окружен совершенно простым народом, в числе его перекрещенцев-еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом. Он сам часто и много ест. Жены и вдовы матросов, которые состояли у него на службе и не получали следующих им денег, постоянно преследуют его своими просьбами об уплате...»⁹

Он мог появиться в любом уголке Петербурга зайти в любой дом, сесть за стол и не погнушаться самой простой пищей. Не оставался он равнодушен к народным развлечениям и забавам. Ф. В. Берхгольц, камер-юнкер голштинского герцога Карла Фридриха, записал в своем дневнике за 1724 год, что 10 апреля император «качался у Красных ворот на качелях, которые устроены там для простого народа по случаю праздника», а 5 ноября зашел в дом одного немецкого булочника, «вероятно, мимоходом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляют свадьбы у этого класса иностранцев» (см. с. 218 наст. изд.).

С нескрываемым изумлением описывает в дневнике свое впечатление от первой встречи с необыкновенным властителем в 1709 году датский посол Юст Юль: «Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет» (см. с. 88 наст. изд.).

Любопытно малоизвестное свидетельство о Петре, которое оставил сержант Никита Кашин. Конечно, записанный много лет спустя рассказ очевидца приглашен временем и затерт многочисленными повторениями, но все же он достаточно точно передает образ и стиль жизни, привычки Петра, подмеченные простым солдатом, долгие годы видевшим царя совсем близко.

⁸ Суждение иностранца о Петре Великом в 1713 году // Отечественные записки, 1844. Т. 3. С. 77—78.

⁹ Извлечение из донесений шведского комиссионс-секретаря Прейса о пребывании Петра Великого в Голландии в 1716 и 1717 гг. // Чт. ОИДР, 1877. Т. 2. С. 4.

Этот рассказ вполне проверяется другими источниками. Любопытно и не встречающееся нигде более упоминание о голосе Петра — мы так привыкли, что голоса людей далекого прошлого не слышны нам сквозь толщу столетий, и история часто кажется немой. «...Во время обедни сам читал апостол: голос сиповатый, не тонок и не громогласен» (см. с. 127 наст. изд.).

Петр сознательно избегал повсеместных проявлений того особого полубожественного почитания личности русского царя, которым окружались с незапамятных времен его предшественники на троне. Причем создается впечатление, что Петр делал это умышленно, демонстративно нарушая принятый и освященный веками этикет. При этом было бы неправильно думать, что подобным пренебрежением обычаями он стремился разрушить почитание верховной власти, поставить под сомнение ее полноту и священность для подданных. В его отношении к величию и значению власти самодержца прослеживается иной подход, основанный на принципах рационализма.

Столь поразжающая наблюдателей манера поведения Петра одним казалась капризом, причудой, другим — особенно в народной среде — верным признаком его «подмененности», «самозванства». А между тем непоседливый, активный в своих проявлениях царь выбрал единственно удобный, естественный для него образ жизни, несовместимый с соблюдением традиционных ритуальных норм. Невозможно представить общение Петра со своими подданными на улицах Петербурга, если бы они при его появлении, согласно традиции, валились бы в грязь и боялись поднять головы.

Сохранился указ 1722 года, служивший, по-видимому, дополнением к Уставу воинскому. В нем говорилось: «Почтение своему государю подданные хотя и вяще протчим воздавать должны, аднакож церемонии оному не всегда чинить надлежит, но о иных спрашиваетца, чинить ли; иные же весьма в случае отставить яко следует: когда в войске командует и во время приближения неприятеля под караул подымут, знаменами укроютца и тем дадут знать неприятелю о его персоне и протчее тому подобное, в сей случай сие не токмо не удобно, но и вредительно есть». Перечисляя иные виды приветствия императора, Петр пишет, что необходимо предварительно спрашивать у него, ибо «выступление солдат всех с ружьем в строй не всегда потребно, ибо иногда желает, чтоб не весьма голосен его проезд был, иногда же частного ради сего употребления оному наскучит»¹⁰.

В истории нашей страны мы знаем весьма мало властителей, которым когда-либо мог «наскучить» пышный ритуал полубоже-

¹⁰ Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (далее сокращенно — АПФИРИ), ф. 270, оп. 1, д. 101, л. 712.

ственного почитания и поклонения. Конечно, необыкновенное поведение царя — «работника на троне» — не могло не вызвать к его личности глубокой симпатии потомков, чаще сталкивавшихся как раз с иной манерой поведения, иным образом жизни позднейших правителей, лишенных подчас даже малой толики гения, присущего Петру. Но в чем же суть, смысл такого поведения царя?

Для начала не будем излишне обольщаться демократизмом первого императора. Не все так просто и однозначно. В довоенном фильме «Петр Первый» есть один замечательный по своей выразительности эпизод. Иностранный дипломат, впервые попавший на петровскую ассамблею, поражен, увидев Петра за столом в окружении шкиперов и купцов. Он вопрошает стоящего рядом П. П. Шафирова: «Говорят, царь прост?» На это вице-канцлер с улыбкой отвечает: «Государь прост *в обращении*».

Общеизвестно, что при дворе Петра существовал, выражаясь «высоким штилем», культ Бахуса, а проще говоря — безобразное пьянство. Официальные, религиозные и иные празднества нередко сопровождалось многодневными попойками, в которых принимали участие все крупнейшие деятели государства. «Служение Бахусу» считалось своеобразной доблестью, которой было принято кичиться, ожидая одобрения царя. Вот одно из типичных писем на эту тему. Князь В. В. Долгорукий в 1711 году пишет из Торна заболевшему Петру: «На день виктории Левенгауптской (т. е. победы над шведами при Лесной в 1708 году. — Е. А.) здоровье ваше так пили мощно, все пьяны были. Такие были фейерверки, как не видали... А вам, чаю, завидно, что за лекарством нельзя пьяным быть, однакож мною, хотя не все, а кто-нибудь пьяны были. Изволь к нам об этом описать»¹¹.

Сам Петр немало способствовал такому отношению к безобразным попойкам, ставшим характерным для жизни двора и абсолютно не свойственным ни жизни двора его преемников, ни тем более его предшественников, исключая, пожалуй, опричный двор Ивана Грозного, где безобразные вакханалии имели подчас кровавый оттенок пьяного палачества.

Объяснений этому, по современным нормам, прискорбному явлению много. Это и известные традиции карнавальной, святочной культуры — кутежи все же не были обыденностью, а в большинстве своем были связаны с праздниками, маскарадами, — это и не особенно высокий уровень бытовой культуры и представлений об отдыхе. Но в данном случае наше внимание привлекает другое. Юст Юль, вынужденный часто бывать на таких собраниях и против своей воли пить, писал: «На всех пирах лишь только

соберутся гости, прежде, чем они примутся пить, царь уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, кого рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что я редко видел его пьяным в стельку. Между тем остальных гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царя, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрость».

В другом месте Юль отмечал: «Царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напивать в его присутствии офицеров и других служащих, с тем чтобы из их пьяных разговоров друг с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отнимать у них возможность воровать или наказывать их» (см. с. 89—90 наст. изд.).

Что и говорить, такая манера общения явно не укладывается в образ поведения великого царя, известный нам из воспоминаний его соотечественников. Думаю, что здесь нет противоречия. Петр был убежден, что во имя государственных целей можно пренебречь многими моральными нормами. На этом был построен институт фискальства и шире — культура доносов, процветавшая при Петре. Тем более, мораль частного, «партикулярного» человека не походила, по мысли царя, на мораль властителя, живущего во имя высших целей государства. Мысли из записной книжки Петра иллюстрируют это. Петр так прокомментировал выражение «Не воздавай неприятелю, когда и лукавство мыслит, ибо совестью больше возвратитца, нежели возмездием»: «Истинно есть вышеписанные слова, когда по прошествии дела, но в настоящем весьма инако, ибо боротца надлежит, а когда пройдет, не воздавать. Но сие партикулярным персонам надлежит, а властителям весьма инако, ибо должны всегда мстить и возвращать обиженное от неприятеля своему отечеству»¹².

Но это лишь одна сторона петровского демократизма. Гораздо важнее другая, имевшая далеко идущие последствия. Тот же Юль рассказал в своем дневнике 1709 года о том, как он видел царя на верфи, где тот прилежно исполнял обязанности старшего корабельного мастера, проявляя особую почтительность к генерал-адмиралу, перед которым снимал шапку. «Такое почтение и послушание, — замечает Юст Юль, — царь выказывал не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться

¹² АПФИРИ, ф. 270, оп. 1, д. 68, л. 5.

смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы в отношении своего начальства» (см. с. 93 наст. изд.).

Мало того, что Петр служил, работал как плотник, он являлся еще и «подданным» шутовского «князя-кесаря» Ф. Ю. Ромодановского, которому писал «доношения», челобитные, обращался к нему, как подданный к властителю. Сразу же заметим, что Ромодановский и другие воспринимали это однозначно, как игру, и письма-просьбы Петра понимали как царские указы, подлежащие обязательному исполнению. Тут, конечно, приходит на память Симеон Бекбулатович — вассальный касимовский хан, которому Иван Грозный «передал» престол и писал под именем «Ивашки» уничижительные челобитные. «Отдав» марионетке престол, Иван стремился таким образом развязать себе руки для нового цикла кровавых расправ с реальными и воображаемыми противниками.

Петр, хотя и уважал Ивана, все же играл в другие игры. Суть их состояла в исполнении «службы». «Служба» — для Петра обобщенное понятие, вобравшее в себя и четкое осознание обязанностей каждого перед государством и государем, и ревностное и честное их исполнение, даже если это сопряжено с риском для здоровья и жизни, и безусловное подчинение воле вышестоящего начальника (что заметил Юль в приведенном выше отрывке), и право на награду за самоотверженный труд или воинский подвиг (об этом сохранились его письма Ромодановскому с благодарностью за присвоение очередного звания). Некоторые прозорливые современники осознавали это, правильно интерпретируя поведение царя как метод воспитания своих подданных, прием пропаганды нового образа жизни.

Автор записок о Петре, секретарь прусского посольства И. Фоккеродт, писал, что сам царь «не имеет никакого преимущества перед другими, а подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана и будет выслуживаться постепенно: для такой цели он в этом случае слагал самодержавную власть в руки князя Ромодановского, который должен повышать его в чины наравне с другими солдатами по его заслугам и без малейшего потворства. Так, пока жив был вышеупомянутый князь, именно до 1718 года, Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая и предрасудка о достоинстве своего происхождения... однако ж оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания,

которые могли показать, будто бы они думают быть лучше их государя»¹³

Наблюдения Фоккеродта основательны — еще в 1705 году английский посол Ч. Уитворт писал: «Царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее начальником, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это, вероятно, делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как, по-видимому, воображало себе прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем»¹⁴.

Практически о том же сообщает в своих записках и А. Нартов (см. с. 291 — 292, 317 наст. изд.).

Принципиально важно заметить, что Петр понимал службу не просто как добросовестное исполнение обязанностей и подчинение вышестоящему, а как служение государству. Именно в этом он видел смысл и главную цель своей жизни и жизни своих подданных. О роли этого фактора при оценке личности Петра, пожалуй, лучше других сказал Н. И. Павленко: «Пестрота черт характера Петра тем не менее не противоречила представлениям современников и потомков о цельности его натуры. Монолитность образу придавала идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, проявлялась ли она в форме необузданной деспотичности или безграничной самоотверженности, происходила ли она в сфере военно-дипломатической или гражданской»¹⁵.

Это наблюдение позволяет дать объяснение тем поступкам и действиям Петра, которые подчас, казалось бы, явно противоречат его характеру как человека импульсивного, живого, нетерпеливого. Особенно отчетливо это проявлялось в дипломатической деятельности. Достаточно вспомнить историю его отношений с неверными союзниками — датским королем Фредериком IV, польским королем и курфюрстом Саксонии Августом II — историю, в которой Петр, выдающийся дипломат, проявляя редкое терпение, такт, обуздывая свои порывы, сумел достичь важнейшей цели — восстановить Северный союз против Швеции.

Чрезвычайно интересна в этом смысле запись в дневнике Юста Юля от 11 декабря 1709 года (см. с. 92 наст. изд.). «...Зная положительно... что в данную минуту ему докучны мои речи, —

¹³Фоккеродт И. Россия при Петре Великом. М., 1874. С. 25.

¹⁴ Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе // Сборник Русского императорского исторического общества (далее сокращенно — РИО). Т. 39. С. 58.

¹⁵ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 41.

пишет Юль, — я с величайшим удивлением убеждался, до какой степени он умеет владеть своим лицом и как ни малейшей миной, ни равно своими приемами он не выдает своего неудовольствия либо скуки». Удивляться такому поведению импульсивного Петра, вероятно, не следует: царь — весь внимание, так как дело касается государства — того, что было для него превыше всего.

Человек необычайно способный, трудолюбивый, он наслаждался работой, особенно той, которая приносила реальные результаты, была видна всем. В самых разных сферах деятельности он был замечен. Как писал англичанин на русской службе Джон Перри, «о нем можно сказать, что он сам вполне солдат и знает, что требуется от барабанщика, равно как и от генерала. Кроме того, он инженер, пушкарь, делатель потешных огней, кораблестроитель, токарь, боцман, оружейный мастер, кузнец и прочее; при всем этом он часто сам работает собственноручно и сам наблюдает, чтобы в самых мелких вещах, как и в более важных распоряжениях, все было исполнено согласно его мысли»¹⁶.

Несомненно, личный пример служения государству, который Петр самозабвенно демонстрировал на глазах тысяч людей на стапелях верфи, лесах стройки, мостике корабля или на поле боя, был необычайно эффективен, заразителен для одних и обязывающ для других. Петр был искренне убежден, что царствование — это его такая служба России, что, царствуя, он исполняет свой долг перед государством. Своим примером он призывал и всех своих подданных исполнять свои обязанности так же самоотверженно. Нартов передает: «В бытность в Олонце при питии марциальных вод его величество, прогуливаясь, сказал лейб-медику Арешкину: «Врачую тело свое водами, а подданных — примерами» (см. с. 273 наст. изд.).

Теоретиком абсолютизма архиепископом Феофаном Прокоповичем была выдвинута концепция «образцовой, высшей обязанности» царя на его «службе». Самодержец, согласно идее Феофана, поставлен на вершину «чинов», является высшим «чином», в который его определил сам Бог, поручив ему нелегкую «службу» управления подданными. Такая божественно-бюрократическая концепция полностью отвечала идеям создателя «Табели о рангах». Размышляя о данных от Бога «чинах», Феофан в известной проповеди «Слово в день Александра Невского» (1718) исходит из общих положений о службе: «...всякий чин от Бога есть... то самое нужнейшее и Богу приятное дело, его же чин требует: мой мне, твой тебе и тако о прочих. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюдая да в народе будет беспечалие, а во властях правосудие и како от неприятелей цело сохранили отечество»¹⁷

¹⁶ Перри Д. Указ. соч. С. 179.

¹⁷ Прокопович Ф. Слова и речи. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1761. С. 9 — 10.

Сам Петр четко обозначил свои обязанности в речи, обращенной к дворянству после казни царевича Алексея: «...первые и главные обязанности монарха, призванного Богом к управлению целыми государствами и народами, состоят в защите от внешних врагов и в сохранении внутреннего мира между подданными посредством скорого и праведного воздания каждому по справедливости. Долг монарха самому вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика».

Разумеется, для успешного осуществления этих основных обязанностей монарха он должен, по мысли Феофана, иметь абсолютную власть, а именно: «...власть законодательную крайне действительную, крайний суд износящую <...> а самую ни каковым же законам не подлежащую»¹⁸.

Попытки обосновать обязанности монарха и достаточно точно сформулировать пределы, точнее, беспредельность его власти — результат новых веяний, которые коснулись политической культуры России в конце XVII — начале XVIII века. Мысли Феофана о «службе» и власти монарха, наиболее подробно изложенные в «Правде воли монаршей», не были оригинальны, они были производны от идей, которыми жила правовая и философская мысль Западной Европы того времени. Среди властителей умов были Бэкон, Спиноза, Локк, Гассенди, Гоббс, Лейбниц. Их идеи стали активно проникать в Россию, и имена великих философов века рационализма не были чужды русскому уху.

Конечно, было бы большим преувеличением думать, что Петр владел всей суммой философских знаний эпохи. Он не был философом, даже, вероятно, не имел философского склада ума. Но нельзя сбрасывать со счета широкое распространение (пусть даже в популярной, упрощенной форме) этих идей в общественном сознании, их роль в складывании духовной атмосферы, в которой жили мыслящие люди того времени. Нельзя забывать и того, что Петр был знаком с Лейбницем, возможно — с Локком, наконец, нужно учитывать тот пристальный интерес, который проявлял царь-реформатор к работам юристов и государствоведов Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Книга последнего «О должности человека и гражданина» была переведена при Петре на русский и очень высоко им ценилась. Не случайна и переписка Лейбница с Петром, где затрагивалась проблема государственных реформ и где Лейбниц дает образ государства в виде часового механизма, все колесики которого действуют в идеальном сцеплении. Не приходится сомневаться, что этот образ был близок мировосприятию Петра — истинного сына своего века.

¹⁸ Прокопович Ф. Правда воли монаршей... СПб., 1722. С. 17 — 18, 26 — 27.

В его подходе к жизни, людям мы видим многие черты, получившие преобладающее развитие в то время: предельный рационализм, практицизм. Петр был типичным технократом. Проявляя интерес ко многим отраслям знаний, он явно отдавал предпочтение точным наукам, вообще знаниям, имевшим прикладное, практическое значение. Кроме математики, механики, кораблестроения Петр знал и другие науки: фортификацию, архитектуру, баллистику, черчение и т. д., не говоря уже о «рукоделии» — ремеслах.

Особым уважением Петра пользовалась медицина, точнее — хирургия. Ею Петр увлекался с давних пор, наблюдая, а потом и сам делая довольно сложные операции, степень риска которых мог по-настоящему оценить лишь сам пациент. Любовь Петра к медицине приводила в трепет его приближенных, ибо Петр считал себя непререкаемым авторитетом в этой, как, впрочем, и в других, отраслях знаний. Он внимательно следил за здоровьем своих придворных и родственников, незамедлительно предлагая свои услуги, тем более что футляр с хирургическими инструментами всегда носил с собой, а вырванные зубы аккуратно складывал в особый мешочек. Примечательна запись в дневнике Берхгольца за ноябрь 1724 года: «Герцогиня Мекленбургская (Екатерина Ивановна, племянница Петра. — *Е. А.*) находится в большом страхе, что император скоро примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно сам берется за всякого рода операции над больными. Так в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал вышеупомянутому Тамсену (точнее — Таммесу. — *Е. А.*) большую операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, потому что операцию эту представляли ему весьма опасною» (см. с. 218 наст. изд.).

Когда операция оказывалась неудачной, Петр с неменьшим знанием дела препарировал труп своего пациента в анатомическом театре, ибо был неплохим патологоанатомом.

Образцом рационалистического подхода Петра может служить, конечно, исправленный его рукой алфавит, из которого выброшено все, что казалось Петру затрудняющим письмо, что, на его взгляд, устарело или было несовершенно.

Искусство Петр оценивал также с позиций технократа. Произведения искусства должны были, по мысли царя, служить либо украшением, либо символом, наглядным пособием, дающим людям знания или назидательные примеры для их морального совершенствования. В остальных случаях Петр проявлял полное равнодушие к художественным сокровищам Парижа, Дрездена, Вены, Лондона. Пожалуй, лишь фейерверки и всевозможные «огненные потехи» были подлинной эстетической страстью Петра, возможно, в них он находил редкое сочетание прекрас-

ного с полезным. Может быть, следует поверить автору «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелину, передававшему со слов Мардефельда о том, как, взирая на фейерверк, Петр сказал прусскому посланнику: «Мне нужно увеселительным огнем приучать мой народ к огню в сражении. Я опытом узнал, что тот и в сражении меньше боится огня, кто больше привык к увеселительным огням»¹⁹

В литературе не раз ставился вопрос о том, был ли религиозен Петр. И большинство исследователей не пришли к определенному ответу — столь противоречивым является дошедший до нас исторический материал. Действительно, с одной стороны, мы видим — несомненная веротерпимость (исключая традиционное негативное отношение к евреям, исповедующим иудаизм), дружба с различными иноверцами, интерес к мировым религиям, естественнонаучным проблемам, отказ от ритуальных норм древнерусского «благочестия» как важнейшей черты самодержца, крайне отрицательное отношение к суевериям, корыстолюбию церковников, презрение к монашеству как форме существования, кощунственное шутовство всепьянейших соборов и, наконец, самое важное — реформа церкви, приведшая к ее окончательному подчинению власти государства. Все это создало Петру устойчивую в широких массах народа репутацию «табашного безбожника», «антихриста», имя которого с проклятием поминалось многими поколениями старообрядцев.

С другой стороны, читая тысячи писем Петра, отчетливо видишь, что имя Божье в них — не дань традициям или привычке, бытующей и сейчас среди атеистов («слава Богу», «дай Бог...» и т. д.), но свидетельство несомненного религиозного чувства.

При всей склонности Петра к шутовству на религиозной почве он отнюдь не пренебрегал обязанностями православного христианина. Примечательна и запись в его блокноте, которая фиксирует один из аргументов спора (возможно, мысленного) царя с атеистами: «Против отеистов. Буде мнят, законы смышленные, то для чего животное одно другое ест, и мы. На что такое бедство им зделано»²⁰. Речь здесь, по-видимому, идет о тезисе, утверждающем разумное начало природы. Согласно этому тезису, ее виды возникали в соответствии с внутренними, присущими самой природе рациональными законами, не имеющими ничего общего с божественными законами. Аргументом против этого широко распространенного рационалистического тезиса, полагает Петр, является несовместимость разумности («смышленности», по терминологии царя) природы с царящей в ней жестокой борьбой

¹⁹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 2., М., 1820. С. 46.

²⁰ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I (далее сокращенно — ЗА). М.: Л., 1945.

за выживание, которая, по мысли Петра, разрушает внебожественную гармонию природы. Именно это и служит для него веским доказательством неправоты атеистов, отрицающих Бога — творца и повелителя природы, который в концепции Петра выступает грозным Яхве-деспотом, по образу и подобию которого, возможно, мыслил себя царь.

Думаю, что в целом у царя не было сложностей с Богом. Он исходил из ряда принципов, которые примиряли его веру с разумом. Он считал, что нет смысла морить солдат в походах и не давать им мяса во время поста — им нужны силы для победы России, а значит, и православия. Известно, как подозрительно относился Петр к различного рода чудесам, мощам.

Примечательна и история с экскурсией Петра в музей Лютера в Виттенберге. Осмотрев место захоронения великого реформатора и его библиотеку, Петр с сопровождающими «были в его палате, где он жил и за печатью на стене в той палате указывали капли чернил, и сказывали, что, когда он, сидя в той палате, писал и в то время пришел к нему диавол, тогда будто он в диавола бросил чернильницу, и те чернила будто тут на стене донныне остались, которые сам государь смотрел и нашел, что оные чернильные бразки новы и сыроваты; потом просили тамошние духовные люди, дабы государь подписал в той палате что-нибудь своею рукою на память своего бытия и по тому их прошению государь подписал мелом сие: чернила новые и совершенно сие неправда»²¹.

Но, говоря о подобных, довольно характерных для Петра проявлениях рационализма, не следует впадать в крайность, превозносить их как свидетельство его атеизма. Примечателен и не лишен правдоподобия рассказ Нартова о посещении новгородского собора святой Софии Петром и Яковом Брюсом — известным книжником, точнее, чернокнижником, алхимиком, о чьем безверии и связи с дьяволом говорили многие современники. Стоя с царем возле рак святых, Брюс рассказывал Петру о причинах нетленности лежащих в них тел. Нартов пишет: «Но как Брюс относил сие к климату, к свойству земли, в которой прежде погребены были, к бальзамированию телес и к воздержанной жизни, и сухоядению или пощению, то Петр Великий, приступя наконец к мощам святого Никиты, архиепископа Новгородского, открыл их, поднял их из раки, посадил, развел руки, и паки сложив их, положил, потом спросил: «Что скажешь теперь, Яков Данилович? От чего сие происходит, что сгибы костей так движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что вид лица его, аки бы недавно скончавшегося?» Граф Брюс, увидя чудо сие,

²¹ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1770. С. 344.

весьма дивился и в изумлении отвечал: «Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр».

Может быть, Брюс действительно несколько растерялся и сразу не нашелся, что сказать Петру, который, согласно Нартову, при этом поучительно заметил: «Сему-то верю и я и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца, которого молю, да вразумит меня по духу» (см. с. 314—315 наст. изд.).

Идея рационализма в полной мере распространялась и на государство, которое должно было в первую очередь подчиняться действию начал разума, логики, порядка. Петр, исходя из этих начал, жил, показывая пример служения, службы, и в соответствии с духом времени формулировал идею обязанностей монарха перед подданными.

Но, восхищаясь столь редкой для правителя простотой, работоспособностью, целеустремленностью и самоотверженностью Петра, нельзя забывать при этом два принципиальных нюанса: во-первых, круг обязанностей монарха по «служению» народу определялся самим монархом и варьировался по его усмотрению, не будучи нигде в законодательстве зафиксирован: во-вторых, «служба» царя и служба его подданных существенно различалась между собой. Ведь для последних служба государству, вне зависимости от их желания, сливалась со службой царю, шире — самодержавию. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал подданным пример, как нужно служить ему, российскому самодержцу. Не случайно он однажды произнес тост, так хорошо запомнившийся очевидцу: «Здравствуй (т. е. «Да здравствует!») — Е. А.) тот, кто любит Бога, меня и Отечество!» Другой мемуарист (Перри) подчеркивал: «Царь обращает особое внимание на то, чтобы его подданные сделались способными служить ему во всех этих делах. Для этой цели он не жалеет трудов и постоянно сам работает в среде этих людей...»²².

Конечно, здесь не следует упрощать. Да, служение Отечеству, России — важнейший элемент политической культуры петровского времени. Его питали известные традиции борьбы за независимость, за существование, немыслимое без национальной государственности. Примеров такой борьбы в допетровской истории можно найти немало. Достаточно вспомнить гражданский подвиг Минина и Пожарского, вставших на защиту «земли» — понятия для человека средневековой Руси емкого и многозначительного, включавшего в себя и общину, и город, и государство. Ополченцы 1611—1612 годов выступили не только во имя повелителя — православного царя, которого им предстояло еще

²² Перри Д. Указ. соч. С. 179.

избрать, но ради «вопчева земскова дела». «Земская» традиция — одна из важнейших в истории Древней Руси. Но в предпетровские и особенно в петровские времена все же основной, определяющей оказалась иная, тоже идущая из древности традиция — отождествления власти и личности царя с государством. Развитие этой тенденции привело к слиянию представления о государственности, Отечестве с представлением о носителе государственности — вполне реальном, живом, и, как правило, далеко не безгрешном человеке, на которого (в силу занимаемого им положения) были распространены нормы государственности.

Для политической жизни России это имело, как известно, самые печальные последствия, ибо любое выступление против носителя власти, кто бы он ни был — верховный повелитель или мелкий чиновник, — могло трактоваться как выступление против персонифицируемой в его личности государственности, России, народа, а значит, могло привести к обвинению в измене, государственном преступлении, признанию врагом. Особенно ясно мысль о тождественной ответственности за оскорбление личности монарха и оскорбление государства была проведена в Соборном уложении 1649 года — важнейшем правовом акте русской истории, закрепившем систему самодержавия и крепостного права. Апофеоз же этих идей наступил при Петре, что отразилось в полной мере в правовых нормах.

В воинской присяге, утвержденной при Петре, нет понятия России, Отечества, земли, а есть только понятие «царя-государя», а само государство упоминается как «его царского величества государство и земли». Но даже этих слов нет в присяге служащих, включенной в Генеральный регламент. Присяга давалась «своему природному и истинному царю и государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру Первому, царю и всероссийскому самодержцу и прочая, и прочая, и прочая»²³.

Вполне традиционная идея самодержавия получила при Петре новые импульсы, когда была предпринята попытка рационалистически обосновать абсолютную власть одного человека над миллионами. Необходимость этого была обусловлена тем, что обществу петровского времени было уже недостаточно сознания богоданности царской власти как единственного аргумента для ее почитания. Нужны были иные, новые, рационалистические принципы ее обоснования. Поэтому Феофан Прокопович ввел в русскую политическую культуру понятия, взятые у теории договорного права, согласно которому люди, чтобы не самоубийствоваться, должны были передать себя повелителю, обязанному их защищать, но взамен получавшему над ними полную власть.

²³ ЗА. С. 483.

В условиях России, переживающей коренные преобразования, как производная от этих концепций выдвинулась патерналистическая идея, был сформулирован образ разумного, видящего за далекие горизонты монарха — Отца Отечества, народа. В «Правде воли монаршей» Феофан доходит до парадоксального на первый взгляд, но логичного для системы патернализма вывода о том, что если государь всем своим подданным «отец», то тем самым он «по высочайшей власти своей» и своему отцу «отец».

Любопытно объясняет токарь Петра А. Нартов частые расправы царя со своими провинившимися сановниками: «Я часто видал, как государь за вины знатных чинов людей здесь (т. е. в токарне. — Е. А.) дубиною потчивал, как они после сего с веселым видом в другие комнаты выходили и со стороны государевой, чтоб посторонние сего не приметили, в тот же день к столу удостоиваны были». И далее самое главное: «Но все такое исправление чинилось не как от императора подданному, а как от отца сыну: в один день наказан и пожалован» (см. с. 288 наст. изд.). Близок к этому и рассказ Штелина о том, как на поломанном мосту царь избил дубинкой ехавшего с ним в одноколке обер-полицмейстера Петербурга А. Девьера, приговаривая: «Впредь будешь ты лучше стараться, чтоб улицы и мосты были в надлежащей исправности, и сам будешь за этим смотреть». «Между тем, — продолжает Штелин, — мост был починен, и гнев государя прошел. Он сел в одноколку и сказал генерал-полицмейстеру весьма милостиво, как бы ничего между ними не случилось: «Садись, брат!»».

Палочные удары подчас доставались и невинному. Когда, избив человека, Петр узнавал, что тот ни в чем не виноват, он, по словам очевидца, говорил: «Ну, как же быть! Напомни мне об этом, когда ты в другой раз заслужишь наказание, тогда я тебя прощу». Разумеется, для подобной «педагогической» практики создавались условия не только «Отцом», но и его жуликоватыми «детьми» — рабами по натуре, которые, благодаря царя «за ученье», лишь потирали бока перед тем, как снова взяться за прежние плутни.

И. И. Голиков в одном из анекдотов умиляется тому, какое «чувствование любви и благоговения имели к сему великому государю и самые те из служивших при нем, которые были от него наказаны палкою его». Один молодой дворянин, — рассказывает Голиков, — сказал петровскому денщику А. Д. Татищеву, который проливал слезы благодарности, вспоминая милости покойного императора: «Я от тебя же слыхал, что не однажды и палка его гуляла по спине твоей, а воспоминание о сем кажется должно бы осушить слезы ваши». «Врешь! — взорвался старик. — Пусть бы он бил, только бы жил; ибо все наказанные им должны

признаться, что они наказаны праведно, и наказание те служили нам исправлением от шалостей...» — «Так, так! — подхватили при том же бывшие два старика, подобно им же наказанные. — <...> Были ли бы мы таковы, каковы есть, ежели б тем образом не были им исправляемы? Да и побои его никогда не превышали меры погрешностей наших, и ни один еще из наказанных не был изувечен, ни у одного еще не сократили оныя жизни. Мы все, благодаря отеческому его наказанию, дожили до нынешней старости нашей, и воспоминаем о них как о действиях милости и благодеяний, а не гнева его»²⁴.

Иначе бывало, когда на пути царя вставал человек достойный. Штелин сообщает, что Петр по ложному доносу Меншикова, не разобравшись что к чему, выбрал и ударил палкою приглашенного в Россию знаменитого французского архитектора и инженера Леблona. После того, как дело прояснилось и невиновность Леблona стала очевидна, царь «тотчас послал извиниться и уверить его в своей милости. Но Леблон столько был поражен сим приключением, что непрестанно после того был болен и умер в следующем году» (см. с. 364 наст. изд.). Для нас очевидно, что Леблон умер не от побоев, а от испытанного им стыда и униженной гордости — чувств, которые были неведомы Меншикову или Девьеру.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Представление о монархе, президенте, ином правителе как об «отце» своих подданных, сограждан — явление, широко распространенное у разных народов и в разное время. М. Вебер в своих исследованиях о власти ввел понятие «харизматический лидер» как промежуточный между традиционным и демократическим. Термин «харизма», заимствованный из раннехристианской литературы и применяемый по отношению к Христу — божьему избраннику, позволяет выделить ряд элементов и особенностей власти такого деятеля. Харизматический лидер — это государственный деятель, обладающий рядом качеств, благодаря которым он выделяется из среды обыкновенных людей и «считается наделенным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, исключительными способностями и качествами. Они недоступны обыкновенному человеку, рассматриваются как исходящие от божества или образцовые, и на их основании данный индивид считается лидером»²⁵.

Важны и другие особенности харизматического лидера. Он, как правило, пренебрегает (по крайней мере, вначале) материальными интересами, он окружен сподвижниками, поддерживающими

²⁴ Голиков И. И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1807. С. 530—531.

²⁵ Weber M. The Methodology of Social Sciences. L., 1949. P. 89—90.

харизму лидера и, как правило, извлекающими из этого вполне реальные преимущества, власть и богатства. «В сфере своих претензий харизматический лидер отвергает прошлое и в этом смысле является специфической революционной силой». Наконец, титул «Отца Отечества», «Отца нации» строго индивидуален, лидерство харизматического типа не передается по наследству, как трон.

Петру, несомненно, присущи многие черты харизматического лидера. Его власть основана не столько на традиционной богоданности, но, главным образом, на признании исключительности его качеств, их демонстративно-педагогической «образцовости» в исполнении «должности».

Вместе с тем Петр был неприхотлив, прост в быту, живя в скромном домике, затем — в тогдашних, весьма непритязательных, Летнем и Зимнем дворцах. Получая жалованье генерала и корабельного мастера, он не ел дома с золотой и даже серебряной посуды, а его коронованная супруга прилежно штопала ему чулки. Передает стиль жизни Петра и в то же время исполнение усвоенной им роли рассказ Штелина о том, как царь, проработав целый день в кузнице, получил за выкованные им железные полосы 18 алтын (не взяв 18 золотых, предложенных хозяином кузни). При этом он сказал: «На эти деньги куплю я себе новые башмаки, в которых мне теперь нужда». «При сем, — отмечает Штелин, — е. в. указал на свои башмаки, которые были уже починиваны и опять протопались, взял 18 алтын, поехал в ряды и в самом деле купил себе новые башмаки. Нося сии башмаки, часто показывал их в собраниях и при том обыкновенно говаривал: „Вот башмаки, которые выработал я себе тяжелою работою“».

Воспевание личности царя-реформатора, подчеркивание его особых личных достоинств — характернейшая черта публицистики петровского времени. Она неизбежно влекла за собой создание подлинного культа личности преобразователя России, якобы только ему обязанной всем достигнутым, возведенной только его усилиями на недостигаемую прежде высоту. Как писал современник Петра И. Неплюев, «на что в России ни взгляни, все его началом имеем, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут»²⁶. Такой культ персоны монарха — явление, неизвестное русской политической культуре предшествующих времен. Уже при жизни Петра сравнивали с выдающимися деятелями русской и мировой истории: Александром Невским, Александром Македонским, Цезарем и т. д.

Трудно возвеличить личность, которая уже и так поднята на недостигаемую высоту. И мысли идеологов обращаются к опыту

²⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 18. М., 1963. С. 553.

Римской империи. В день празднования Ништадтского мира 30 октября 1721 года Сенат подает прошение, в котором подчеркивает особую роль царя в «произведении» России и просит его принять новый, невиданный в России титул: «Всемилоостивейший государь! Понеже труды Вашего Величества в произведении нашего отечества и подданного вашего всероссийского народа всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что В. В., яко самодержцу вся [власть] принадлежит, однако ж в показание и знак нашего истинного признания, что весь подданный ваш народ ничем иным, кроме единых ваших неусыпных попечений и трудов об оном, и со ущербом дражайшего здравия вашего положенных, на такую степень благополучия и славы произведен есть, помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение воспринять, в день торжества и объявления заключенного оными В. В. трудами всей России толь славного и благополучного мира, по прочтении трактата оного в церкви, по нашем всеподданнейшем благодарении за исходотайствование оного мира, принесть свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул *Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого*, как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуах для памяти в вечные годы подписываны»²⁷.

Важно при этом заметить, что в соответствии с принципами харизма титул «Отца Отечества» был привилегией только Петра. Правда, уподобляясь своему великому отцу, Елизавета называлась «Матерью Отечества», но никаких возвышающих душу образов и сравнений у современников ее это не вызывало.

Реформы, тяжелый труд в мирное и военное время воспринимались Петром как постоянная учеба, школа, в которой русский народ постигал знания, неведомые ему ранее. Северная война так же устойчиво связывалась с понятием учения. Получив известие о заключении Ништадтского мира, Петр воспринял это событие как получение аттестата об окончании своеобразной школы. В письме В. В. Долгорукому он пишет: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была (21 год), однако ж, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».²⁸ Известно и его выражение «Аз есмь в чину учимых и учащихся мя требую».

Действительно, концепция жизни — учебы, обучения — типична для рационалистического восприятия мира, типична она и для Петра, человека необычайно любознательного, активного

²⁷ За. С. 155.

²⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 17. С. 61.

и способного. Но в школе, в которую он превратил страну, место Учителя, знающего, что нужно ученикам, он отводил себе. В обстановке бурных преобразований, когда цели их, кроме самых общих, не были отчетливо видны и понятны всем и встречали открытое, а чаще скрытое сопротивление, в сознании Петра укреплялась идея разумного Учителя, с которым он идентифицировал себя, и неразумных, часто упорствующих в своей косности и лени детей-подданных, которых можно приучить к учению и добрым делам только с помощью насилия, из-под палки, ибо другого они не понимают.

Об этом Петр говорил не раз. Отвечая голштинскому герцогу, восхищавшемуся токарными «работами» Петра, царь, по словам Берхгольца, «уверял, что кабинетные его занятия — игрушка в сравнении с трудами, понесенными им в первые годы при введении регулярного войска и особенно при заведении флота, что тогда он должен был разом знакомить своих подданных, которые, по его словам, прежде предавались, как известно, праздности, и с наукою, и с храбростью и с верностью, и с честью, очень мало им знакомою» (см. с. 197 наст. изд.).

Еще более откровенно Петр выразил свои мысли в указе Мануфактур-коллегии 5 ноября 1723 года по поводу трудностей в распространении мануфактурного производства в стране: «Что мало охотников и то правда, понеже наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не всель неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел»²⁹.

Мысль о насилии, принуждении как универсальном способе решения внутренних проблем, как известно, не нова в истории России. Но Петр, пожалуй, первый, кто с такой последовательностью, систематичностью использовал насилие для достижения высших государственных целей, как он их понимал.

Среди новелл, составляющих «Достопамятные повествования» Андрея Нартова, есть одна, привлекающая особое внимание. Нартов передает целостную концепцию власти самодержца, как ее понимал царь: «Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: „Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным

²⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее сокращенно — ПСЗ). Т. 7. С. 116.

управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы. Полезное слушать рад я и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен — лишь бы не отягчали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру“» (см. с. 309 наст. изд.).

Хотя «Анекдоты» Нартова содержат много недостоверного, но этот заслуживает доверия, ибо подтверждается другими документами и отражает умонастроение Петра.

Идея патернализма определяет все: он, Петр, единственный, кто знает, что нужно народу, и его указы, как содержащие лишь безусловное добро, обязательны к исполнению всеми подданными. Недовольные законами, изданными царем, — «злодеи мои и отечеству».

Примечательно и убеждение царя, что в России, в отличие от Англии, такой путь приведения страны к добру — единственный. Причем этот гимн режиму единовластия (а в сущности — завуалированной тирании, при которой закон имеет единственным источником волю властителя) обосновывается все теми же перечисленными выше обязанностями монарха, призванного Богом к власти, а значит, имеющего право повелевать и знающего, в силу божественной воли, что есть благо.

Как записал в свой дневник Берхгольц, его повелитель, герцог Карл Фридрих, решил угодить Петру в дни торжеств по поводу Ништадтского мира и построил триумфальную арку, украсив ее с правой стороны изображением «Ивана Васильевича I (Ивана IV. — Е. А.) в старинной короне, положившего основание нынешнему величию России, с надписью «Incepit» (начал). С левой же стороны, в такую же величину и в новой императорской короне изображен был теперешний император, возведший Россию на верх славы, с надписью «Perfecit» (усовершенствовал)».

Другой придворный голштинского герцога, граф Брюммер (будущий воспитатель Петра III), рассказывал Штелину о весьма положительной реакции царя на приведенную аналогию и историческую связь. Петр якобы сказал: „Этот государь (указав на царя Ивана Васильевича) — мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в благоразумии и храбрости, но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельства в его времени, свойства его народа и великих его заслуг, называют его тираном“» (см. с. 356 наст. изд.).

Думаю, что вряд ли мемуаристы далеко уклоняются от истины, касаясь политических симпатий царя. Они очевидны и вытекают из его философии власти.

Концепция принуждения основывалась не только на вполне традиционной идее патернализма, но, вероятно, и на особенностях личности Петра. В его отношении к людям было много того, что можно назвать жестокостью, нетерпимостью, душевной глухотой. Человек — с его слабостями, проблемами, личностью, индивидуальностью — как бы не существовал для него. Создается впечатление, что на людей он часто смотрел как на орудия, материал для создания того, что было им задумано для блага государства, империи. Думаю, что Петру должны были быть близки мысли Ивана Грозного, корившего Курбского и ему подобных за непослушание на том основании, что «Бог их [подданных] поручил в работу» ему, самодержцу³⁰. Конечно, следует отметить, что для Ивана понятие «работа» идентично понятию «рабство», а «работные», все без изъятия, — отданные в рабство подданные. Но вместе с тем в отношении Петра и Ивана к подданным было много общего.

Довольно странная шутка и сомнительная аллегория встречаются в письме царя из-под Шлиссельбурга от 19 апреля 1703 года Т. Н. Стрешневу, ведавшему набором солдат в армию: «Как ваша милость сие получишь, изволь не помедля еще солдат сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня»³¹.

Очень выразительным кажется и письмо в Петрозаводск по поводу болезни личного врача Петра доктора Арескина, который многие годы входил в ближайшее окружение царя. 2 декабря 1718 года Петр писал В. Геннину — местному начальнику: «Господин полковник. Письмо твое ноября от 25-го дня до нас дошло. в котором пишешь, что доктор Арескин уже кончаеца, о котором мы зело сожалеем, и ежели (о чем боже сохрани) жизнь ево уже прекратилась, то объяви докторе Поликалу, дабы ево распорол и осмотрел внутренние члены, какою он болезнью был болен и не дано ль ему какой отравы. И осмотря, к нам пишите. А потом и тело ево отправьте сюды, в Санкт-Питербурх. Петр»³².

Поразительная предусмотрительность царя обусловлена тем, что он заподозрил отравление Арескина, сторонника Якова Стюарта — претендента на английский престол, склонявшего Петра

³⁰ Переписка Ивана Грозного с А. Курбским. Л., 1980. С. 7, 16, 18.

³¹ ПБП. Т. 2. С. 153.

³² АПФИРИ, ф. 270, оп. 1, д. 88, л. 323.

поддерживать «якобитов». Вполне допустимо, что Петр подумал о заговоре, в чем-то угрожавшем ему. Но в данном случае наше внимание обращает на себя холодный прагматизм, жутковатая деловитость в отношении достаточно близкого ему человека. С такой же деловитостью в 1709 году он поучал Апраксина, как допрашивать больного государственного преступника: «О протопопе троицком извольте учинить по своему рассмотрению. Ежели будет вам время, то извольте ево взять к Москве и, хотя за болезнию ево пытать нельзя, однако ж выпытывать возможно и не поднимаячи, а имянно, чтоб бить, разложить плетью или батогами и при том спрашивать»³³.

Было бы неверно думать о некоей патологии царя — он жил в жестокий век, дети которого бежали, как на праздник, к эшафоту, и войска с трудом сдерживали толпу, стремившуюся поближе насладиться зрелищем мучительной казни очередного преступника. Да, век был суров, но, как справедливо сказал поэт А. Кушнер, «что ни век, то век железный», и нельзя не заметить, что в отношении Петра к людям многое шло от самой личности, от свойств души этого сурового, жестокого и бесцеремонного человека.

Мемуаристы отмечают, как, например, сидя рядом с бургомистром вольного города Гданьска на торжественном богослужении, данном в честь высокого гостя в центральном соборе, Петр вдруг содрал с головы бургомистра парик и нахлобучил его на свою голову.

После окончания службы он с благодарностью вернул парик ошеломленному хозяину. Все было предельно просто — оказывается, во время мессы царю стало холодно от гулявших по собору сквозняков. И он сделал то же, что не раз проделывал со своими спутниками и слугами.³⁴

Один из многочисленных денщиков Петра рассказывал Штелину о том, как «должен был сносить все, что сей неугомонный монарх сам сносил; иногда же надлежало ему служить государю вместо подушки, ибо когда Петр Великий в путешествии ложился спать на соломе или по обыкновению своему отдыхал после обеда, то обыкновенно клал голову на спину своему денщику. В сем случае надлежало денщику иметь отменное терпение лежать тихо и не делать ни малейшего движения, дабы не помешать государю спать или не разбудить его, ибо сколь весел и ласков вставал государь после спокойного сна, столь же невесел и сердит бывал он, когда препятствовали ему спать или будили не вовремя»³⁵.

³³ ПБП. Т. 9. Ч. 1. С. 190—191.

³⁴ Штелин Я. Указ. соч. Т. 1. С. 36—37.

³⁵ Там же. С. 205.

Несомненно, Петр был человеком сильных чувств и в их проявлении резок, порывист. Эти чувства подчас охватывали его целиком. Даже деловые письма иногда передают эту страстность. Вот только один пример. 6 февраля 1710 года Петр получил долго ожидаемое подтверждение из Стамбула о том, что турки отменили военные приготовления против России и тем самым развязали ему руки для действий в Прибалтике. 7 февраля Петр пишет А. Кикину: «Вчерашнего дни от давного времени с великою жаждою ожидаемого курьера из Константинополя получили и теперь уже *в одну сторону очи и мысль имеем*»³⁶. И таких экспрессивных, выразительных писем в эпистолярном наследии Петра немало.

После сказанного нетрудно понять, каким страшным, не знавшим границ мог быть гнев царя. Штелин приводит известный ему от Нартова рассказ о мальчике, работавшем в царской токарне. В обязанности его входило утроем, когда Петр сядет за станок, снять с него ночной колпак. Однажды мальчик сделал свое дело как-то неаккуратно и рванул царя за волосы, причинив ему боль. Что же было дальше? «Государь, разгневавшись, вскочил со своего места, выхватил свой кортик и разрубил бы ему голову, естли б мальчик, испугавшись, не убежал и не скрылся так, что никто уже не мог его найти. Его величество вышел из комнаты в великом гневе и приказал искать сего мальчика, но тщетно. На третий (! — Е. А.) день, когда уже гнев его миновался, государь пришел в токарню, говорил шутя о сем приключении и сказал: „Проклятый мальчишка больно подернул меня за волосы, однако он, верно, не нарочно это сделал, и мне приятно, что он ушел отсюда пока я не успел еще вынять кортик“». Между тем, поиски не дали результата — мальчика так и не нашли. Вероятно, Петр о нем вскоре забыл. А конец этой истории стал известен уже после смерти царя. Оказывается, мальчик был так напуган, что бежал «от страха две ночи сряду» и оказался весьма далеко от Петербурга, переименовал имя, нанялся в ученики к стекольщику, которому только после смерти Петра рассказал всю историю, после чего его отправили назад, в Придворную контору, к которой он был ранее приписан»³⁷.

Примечательно, что в состоянии сильного раздражения у царя вдруг начинался припадок, приводивший окружающих в ужас. Вот как описывает такой случай Юст Юль, вместе с канцлером Головкиным участвовавший в январе 1710 года в торжественной церемонии вступления русской армии — победительницы при Полтаве — в Москву:

³⁶ Бумаги Петра Великого. Сост. А. Ф. Бычков. СПб., 1872. С. 18.

³⁷ Штелин Я. Указ. соч. Т. 1. С. 224—227.

«Мы проехали таким образом порядочный конец, как вдруг мимо нас во весь опор проскакал царь. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями.

Тут оба мы вышли из кареты и увидели, как царь, подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами, быть может за то, что тот шел не так, как хотел царь. Затем царь остановил свою лошадь, но все продолжал делать описанные страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами» (см. с. 97 наст. изд.).

Случай расправы с солдатом достаточно типичен. Спустя десять лет — в 1720 году — на очередном параде другой современник, В. А. Нащокин, наблюдал почти то же самое: «Когда оных пленных вели и... сам государь, будучи в мундире гвардии, учреждал конвой и как итить с пленными до крепости, а лейб-гвардии Семеновского полка капитан Петр Иванов сын Вельяминов в то учреждение своим представлением вмешался, которого государь при всей той оказии бил тростью»³⁸.

Известно, что после взятия Нарвы в 1704 году Петр ударил по лицу коменданта крепости генерала Горна за то, что тот, не сдав крепость, допустил кровопролитие.

Между тем, комендант, сопротивляясь до последнего, вел себя как солдат, верный присяге, во всяком случае не менее мужественно, чем комендант осажденной шведами Полтавы Келин, получивший от Петра награду за стойкость. И ударить Горна, сдавшего царю шпагу, было поступком недостойным. К. Случевский писал:

Там, внизу, течет Нарова —
Все погасит, все зальет,
Даже облика Петрова
Не щадит, не бережет,

Загашает... Но упорна
Память царственной руки:
Царь ударил в щеку Горна,
И звучит удар с реки.

Вряд ли нужно было бы фокусировать внимание читателя на этих неприглядных сценах расправы с людьми, если бы палка не была своеобразным символом системы насилия, культивируемого Петром.

³⁸ Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842. С. 8.

Вероятно, об успехах «дубинной» педагогики говорить не приходится. Нартов вспоминал размышления царя на этот счет: «Государь, точа человеческую фигуру в токарной машине и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика Нартова: „Каково точу я?“ И когда Нартов отвечал: „Хорошо“, — то сказал его величество (со вздохом, добавили бы мы на месте Нартова. — Е. А.) „Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямец“». В другом случае «государь, — пишет Нартов, — возвратясь из Сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: „Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побой. Знать в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямство“» (см. с. 280 наст. изд.).

Письма Петра к чиновникам, командирам полны требований проявить дисциплину, инициативу, быстроту — то, что в данный момент было нужно для пользы дела. Почти каждое такое требование сопровождалось угрозой насилия, расправы. Приведу примеры.

Вот типичный указ о строительстве судов для армии 30 мая 1722 года: «Смотреть того, чтоб делали как суды, так и такелаж не образом только, но делом, чтоб были крепки и добрым мастерством и сие не токмо волею, но и неволею делать, а ослушников штрафовать сперва деньгами, а в другой раз и наказанием».

В письме А. Меншикову от 6 февраля 1711 года он, недовольный и опечаленный волокитой губернаторов, обещал при этом утолить свои печали привычным для себя способом: «А доныне Бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе, а потом буду не словом, но руками с оными поступать». Часто встречается в указах Петра своеобразная «формула угрозы»: «...Тогда не мините не только жестокий ответ дать, но и истязаны будете»³⁹

Весьма суровые указы Петр посылал сенаторам, не особенно церемонясь с высшими сановниками России. И они знали, что угрозы эти не останутся на бумаге. Примечателен в этом смысле указ Сенату от 2 июля 1713 года, в котором — весь Петр: «Господа Сенат! Понеже уведомлены мы, что вы по доносам фискальским ни единого главного дела не вершили, но все проманеваете время до времени, забывая Бога и души свои, того ради сие последнее, о сем пишу к Вам. Ежели пяти или шти дел главных,

буде более не успеете (о которых вам будут фискалы доносить) до ноября первого числа не вершите и преступников (которые для своих польз интерес государственный портят) не учините смертную казнь, не щадя никого в том и ежели инако в том поступите, то вам сие будет. *Петр*⁴⁰.

Многочисленные призывы и угрозы не могли заставить людей делать так, как этого требовал Петр: точно, быстро, инициативно. Мало кто из его сподвижников чувствовал себя уверенно, когда приходилось действовать без указки царя, самостоятельно, на свой страх и риск. Это было неизбежно, ибо Петр, по точным словам В. О. Ключевского, «надеялся грозою власти вызвать самодетельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодетельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»⁴¹.

Характерным для многих петровских сподвижников было ощущение беспомощности, отчаяния, когда они не имели точных распоряжений царя или, сгибаясь под страшным грузом ответственности, не получали его одобрений. Обращает на себя внимание письмо президента Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксина от 31 декабря 1716 года к секретарю: «В надеянии вашем прошу для Бога не оставь нас безизвестна, извольте ль быть к нам, истинно во всех делах как слепые бродим и не знаем, что делать, стала везде великая расстройка, а где прибегнуть и что впредь делать не знаем, денег ниоткуда не везут, все дела становятся»⁴². И это пишет один из влиятельнейших людей того времени, человек, облеченный доверием грозного царя!

Читая такие письма, Петр имел все основания полагать, что без него все дела встанут и что он единственный, кто знает, как и что нужно делать. Вместе с этим чувством исключительности Петром, далеким от самолюбования и пустого тщеславия, должно было владеть другое чувство — чувство одиночества, сознание того, что его боятся, но не понимают, делают вид, что трудятся, но ждут, когда он отвернется, умрет, наконец.

Это было неизбежным и трагическим следствием всякой авторитарности, насилия, естественным образом порождавших

⁴⁰ Письма Петра Великого. С. 250, 264.

⁴¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958. С. 221.

⁴² Материалы к истории русского флота. Т. 3. СПб., 1872. С. 357.

леность раба, воровство чиновника, социальное иждивенчество и аморальность.

К концу жизни, лишившись сына Петра — наследника и надежды, — царь мог воскликнуть, как некогда в письме уничтоженному им же царевичу Алексею: «...ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышнего насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю?»⁴³

Наше представление о личности Петра, резких особенностях его характера, мере его преданности государственной идее и беспредельной жестокости, когда жестокость эта, служила, по его мнению, пользе государства, будет далеко не полным, если мы не вспомним о страшной судьбе наследника престола.

Для расследования дела государственного преступника царевича Алексея Петровича была создана специальная Тайная канцелярия во главе с П. А. Толстым.

Розыск по делу царевича отличался особой суровостью, и пытки подследственных в первой половине 1718 года шли непрерывно. В застенок была привезена и старица Елена (Евдокия Лопухина), признавшаяся в том, что поддерживала преступную переписку с сыном. Пыточного станка не миновал и царевич, причем, не исключено, что допросами под пыткой занимался сам царь.

Летом 1718 года началось дело по доносу на нескольких слуг, которые рассказывали, что им известно, как Петр в мызе неподалеку от Петергофа пытал царевича. Андрей Рубцов — слуга графа П. Мусина-Пушкина — показал, что однажды, «когда он был с помещиком своим, Платоном, в мызе, где был государь-царевич, в одно время помещик его приказал ему, когда придет в мызу царское величество, чтоб он в то время не мотался: станут-те государя-царевича пытать». Затем, показал Рубцов, «как приехал в ту мызу царское величество, из избы его, Андрея, выслали вон и он, Андрей, стоял в лесу от той мызы далече, и в то время в той мызе в сарае кричал и охал, а кто — не знает, и после того спустя дня с три, видел он, что государь-царевич говорил, что у него болит рука и велел ту руку подле кости завязать платком, и завязали».

Сообщения о том, что царевича пытает сам отец, по-видимому, производили гнетущее впечатление на людей, прикоснувшихся к этой тайне. Одна из свидетельниц — жена владельца кабака Андрея Порошилова (который узнал о пытках от упомянутого Андрея Рубцова) — рассказала: «Когда Андрей Порошилов приехал из мызы государя-царевича домой, ввечеру, в комнате

⁴³ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859. С. 348.

сидя, плакал, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего он плакал, он ответил: „Государь в мызе сына своего царевича пытал“»⁴⁴.

Летом 1718 года следствие по делу Алексея в основном закончилось, и 24 июня Верховный суд, состоявший из высших военных и гражданских чинов, единогласно приговорил сына царя к смертной казни по обвинению в заговоре и попытке захвата престола: «...утаил бунтовный, с давних лет задуманный, против отца и государя подыск и про изыскивание к престолу, даже при жизни родителя имел надежду на чернь и желал отцу и государю своему скорой кончины... намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска с разорением всего государства при животе государя-отца своего»⁴⁵.

Через день после вынесения приговора, 26 июня, царевич, содержащийся в Трубецком раскате Петропавловской крепости, неожиданно умер. Впрочем, в этой смерти было столько же неожиданности, сколько в смерти Петра III, Ивана Антоновича и Павла I.

Как умер царевич Алексей, мы, вероятно, не узнаем никогда. В «Записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии» есть запись за 26 июня: «Того ж числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в трубецком раскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился». Ганноверский резидент Вебер сообщал, что с царевичем, узнавшим о приговоре, случился апоплексический удар. Австрийский резидент Плейер в одном донесении повторяет эту точку зрения, но в другом сообщает, что ходят упорные слухи о смерти царевича от меча или топора. Голландский резидент де Би писал своему правительству, что Алексей умер «от растворения жил».

Это донесение было вскрыто, канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров устроили форменный допрос де Би, и резидент выдал своего осведомителя — повивальную бабаку М. фон Гуссе, которую вместе с дочерью и зятем допросили в крепости. Н. Г. Устрялов, собравший все эти сведения, считает, что царевич умер, не выдержав пыток, которым его подвергали даже в день объявления приговора⁴⁶.

Нельзя не сказать и еще об одном очень интересном документе — письме гвардии капитана А. И. Румянцева некоему Д. И. Титову о казни царевича. Письмо дошло до нас в копиях.

⁴⁴ Есипов Г. В. Люди старого века. СПб., 1880. С. 126—139.

⁴⁵ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. 6. С. 278—279.

⁴⁶ См.: Там же. С. 285—288.

Историки, как всегда в таких случаях, разделились: одни полагали, что письмо — позднейшая подделка, другие же считали его подлинным. Я, не располагая на этот счет какими-либо новыми (подтверждающими или опровергающими подлинность) сведениями, считаю, что принятая в нашем обществе манера критики публикаций, которых и в глаза не видел читатель, в высшей степени некорректна, и поэтому лучше привести если не все письмо, то, по крайней мере, соответствующие сюжету простран-ные отрывки.

Румянцев сообщал своему адресату, что после оглашения приговора их вызвал к себе царь и приказал немедленно казнить Алексея. И далее он пишет: «Не ведаю, в кое время и коим способом мы из царского упокоя к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковенного казуса весь ум мой обуяла, долго бы я от того в память не пришел, когда бы Толстой напамытованием об исполнении царского указа меня не возбудил. А как пришли мы в великие сени, то стоящего тут часового опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовыя стражи, отойти к наружным дверям приказал, яко бы стук оружия недужному царевичу беспокойство творя, вредоносен быть может. Затем Толстой пошел в упокой, где спали его, царевича, постельничий да гардеробный, да кухонный мастер, и тех, от сна возбудив, велел немешкотно от крепостного караула трех солдат во двор послать и всех челядинцев с теми солдатами, яко бы к допросу, в коллегию отправить, где тайно повелел под стражею задержать. И тако во всем доме осталось нас четверо, да единый царевич, и той спящий, ибо все сие сделалось с великим опасательством да его безвременно не разбудят.

Тогда мы, елико возможно, тихо перешли темные упокои и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампы, пред образами горящей. И нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, яко бы от некоего сонного страшного видения, да еще по времени стонуца, бе бо, и в правду, недужен вельми, так что и св. причастия того дня вечером, по выслушивании приговора, сподобился, из страха, да не умрет, не покаявшись во гресех, с той поры его здравие далеко лучше стало и, по словам лекарей, к совершенному оздоровлению надежду крепкую подавал. И, не хотяще никто из нас его мирного покоя нарушати, промеж собою сидяще, говорили: «Не лучше ли де его во сие смерти предати и тем от лютого мучения избавити?» Обаче совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы.

Сие помыслив и укрепясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав: «Ваше царское высочество! восстаните!» Он же,

открыв очеса и недоумевая, что сие есть, седе на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства [не] вопрошая.

Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: «Государь-царевич! по суду знатнейших людей земли Русской, ты приговорен к смертной казни за многия измены государю, родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царского величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаянием приготовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близ есть к концу своему».

Едва царевич услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из этого успеха не возымев, нача горько плакаться и глаголя: «Горе мне бедному, горе мне, от царской крови рожденному! Не лучше ли мне родиться от последнего подданного!» Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: «Государь, яко отец, простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но яко государь-монарх, он измен твоих и клятвы нарушения простить не мог, боясь, да в некое злоключение отечество свое повергнет чрез то, того для, отвергши вопли и слезы, единых баб свойство, приими удел твой, яко же подобает мужу царския крови и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих!»

Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекая детоубийцею.

А как увидали, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени, и один из нас,*кто же именно (от страха не упомяну) говорить за ним зачал: «Господи! в руци твои предаю дух мой!». Он же, не говоря того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Той же, мною, яко Бутурлин, рек: «Господи! упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец!» И с сим словом царевича на ложницу спиною повалили и, взяв от возглавья два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движение рук и ног утихли и сердце биться перестало, что сделалось скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разобрать не мог, ибо от страха близкия смерти, ему разума помрачение сталося. А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича, яко бы спящего, и, помолився богу о душе, тихо вышли. Я с Ушаковым близ дома остались, — да кто-либо из сторонних туда не войдет, Бутурлин же да Толстой к царю с донесением о кончине царевичевой поехали. Скоро приехала от двора госпожа Краммер и, показав нам Толстого записку, в крепость вошла и мы с нею тело царевичево опрятали и к погребению изготовили: облекли его в светлые царские одежды. А стала смерть царевичева гласна около полу-

дня того дня, сие есть 26 июня, яко бы от кровеного пострела умер...»⁴⁷

Историки, сомневающиеся в подлинности этого документа, находят немало противоречий, которых не могло быть в письме столь близко знакомого с делом Алексея А. Румянцева, сомнителен также адресат, неясна цель такого опасного по тем временам послания.

Когда читаешь письмо целиком, то нельзя не обратить внимание на обороты и слова, близкие к письменной речи человека из среды духовенства, — Румянцев же был подлинный солдат, не особенно образованный и умный.

Но вместе с тем нельзя отбрасывать и ту мысль, что письмо стало известно из копий, и вполне возможно, что при копировании его, затертое до дыр, редактировали, дополняли. Такое не раз бывало с письменными памятниками. Однако, даже ставя под сомнение подлинность письма, нельзя не удивляться его драматичности, живости, детальности передачи всех моментов этой зримо встающей перед нашими глазами подлинного шекспировской сцены казни-убийства неугодного наследника. Для того чтобы сочинить эту потрясающую сцену, не имея в руках спрятанного полтора века за семью печатями дела Алексея и не зная всех обстоятельств, ему сопутствовавших, нужен, несомненно, великий талант мистификатора и драматурга. Но при этом нельзя никогда забывать, что талантливейшим драматургом бывает сама жизнь, за которой только успевай записывать.

Смерть царевича породила волну слухов и пересудов. Один из несчастных «клиентов» Тайной канцелярии под пыткой сказал: «А что и государя весь народ бранит, и то он говорил, а слышал на Обжорном (ныне Сытном. — Е. А.) рынке, стояли в куче неведомо кто, всякие люди, и меж собой переговаривали про кончину царевича, и в том разговоре его, государя, бранили и говорили, и весь народ его, государя, за царевича бранит». Другой подследственный показал на своего товарища, будто тот говорил, «что когда государя-царевича не стало и в то время государь на радости вырядил в флаги фрегат и вышел перед Летний дворец»⁴⁸.

И это была правда: 27 июня 1718 года — на следующий день после смерти царевича — Петр торжественно отпраздновал очередную годовщину Полтавской победы. Мы никогда не узнаем, что было у него на душе, но этим символическим поступком на глазах потрясенной столицы Петр стремился показать, что

⁴⁷ Там же. С. 623—626.

⁴⁸ Есипов Г. В. Указ. соч. С. 139, 135.

для него нет ничего превыше ценностей государства, во имя которого он жертвует всем, что у него есть, в том числе памятью сына...

Петр умер 28 января 1725 года. В Манифесте об этом говорилось: «Понеже по воле всемогущего Бога всепресветлейший, державнейший Петр Великий, император и самодержец всероссийский, наш всемилостивейший государь сего генваря 28 дня от сего временного мира в вечное блаженство отъиде...»

Вокруг смерти Петра распространено немало легенд и слухов, и замалчивание их в литературе лишь способствовало их широкому хождению»⁴⁹.

Смерть Петра стала важным политическим событием жизни России и всей Европы. Вместе с великим реформатором в прошлое уходила целая эпоха жизни русского общества, неповторимость которой вполне оценили современники.

В день похорон Петра Феофан Прокопович, передавая ощущения многих, восклицал: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребам! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах, как истинная печаль! Ах, как известное наше злоключение!» (см. с. 229 наст. изд.).

Нет сомнений, что проникновенные слова блистательного оратора, впечатляющие даже сквозь два с половиной столетия, как и вся невиданная ранее длинная и пышная церемония похорон, сопровождалась слезами и глубокой скорбью многотысячных толп, провожавших Петра в последний путь до Петропавловского собора.

Но люди, как и всегда, оставались людьми. Они скорбели об утрате и в то же время, присутствуя на многочасовой церемонии, вероятно, мерзли, уставали, разговаривали о пустяках, думали о дне насущном, о будущем. Можно с уверенностью сказать, что не все рыдали на похоронах и не все проливали искренние слезы, а лишь, «послужа глаза», больше рассматривали собравшееся общество, чтобы потом подробно рассказать домашним, позлословить и посмеяться. Вскоре после смерти Петра по стране пошел гулять лубок с характерным пространством

⁴⁹ Согласно выводам специалистов Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, изучивших материалы истории болезни Петра, смерть царя наступила вследствие азотемии. Причиной ее «явилась либо аденома простаты, приводящая в своей заключительной стадии к задержке мочеиспускания и развитию уремии, либо развившаяся вследствие воспалительного процесса в уретре ее стриктура» (Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Трухачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого, Военно-медицинский журнал, 1990. № 12, с. 57—60). Важно при этом заметить, что, по мнению многих специалистов, воспалительный процесс в уретре может быть следствием заболевания Петра urethritis gonorrhoeica, но никак не сифилисом.

названием: «Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, обверчена в черных тряпицах, как мыши кота погребают, недруга своего провожают...»

В этом лубке, чаще известном под названием «Мыши кота погребают», изображения мышей, идущих возле погребальных саней, на которых лежит замечательной, подчеркнутой усатости кот, сопровождаются рифмованным текстом, в котором видно отчетливое стремление безымянных авторов высмеять лицемерную скорбь одних, показать неприкрытую радость других и вообще воспеть освобождение всех обиженных и гонимых при жизни кота мышей. Тонкий знаток лубка И. М. Снегирев отмечает неслучайность этого образа и соответственно популярности лубка:

«Как волк в отношении к овцам, так и кот в отношении к мышам издревле занимали в баснях и притчах свойственную им роль: тот и другой — утеснителей и мучителей, а овцы и мыши — утесненных и страждущих... Кот поступает с пойманною мышкою подобно опытному кату-палачу, который сперва вымучивает у жертвы своей медленными пытками признание в содеянных и даже несодеянных преступлениях, потом так исторгает у нее жизнь, чтобы чувствовала, как умирает <...> Мыши — это подданные, утесненные котом — своим владыкою. Свойства и действия людей перенесены на этих животных»⁵⁰.

Исследователи лубка, наиболее крупным из которых был Д. А. Ровинский, находят в этом, глубоко народном, окрашенном грубоватым, но, как всегда в анекдотах, метким и беспощадным к властителям юмором, немало реалий петровского времени, да и просто элементов процессии похорон первого императора. Здесь и восьмерка мышей, пародирующих восьмерку коней траурной колесницы Петра, здесь и мышь «от чухонки Маланьи везет полны сани оладьев», сама же Маланья — пародия на Екатерину — «ходит по-немецки, говорит по-шведски». Среди мышей, собравшихся на похороны со всей страны, много «местных» — из Карелии, Шлюшина (народное название Шлиссельбурга), с Охты.

А вот за санями идут обиженные котом: «Старая подовинная седая крыса смотрит в очки, у которой кот изорвал жопу в клочки... Мышь — охтенская переведенка (т. е. переведенная по указу на жительство в Петербург, на Охту. — Е. А.) несет раненого котом своего ребенка... Идет мышенок — отшиблено рыло, несет жареную рыбу». А вот идут довольные мыши с окраин: «Тренка с Дону, из убогого дому, веселые песни воспевают, без кота добро

⁵⁰ Снегирев И. М. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 125.

жить возвещает... Мышь татарская Аринка тож наигрывает в во-
лынку» — и т. д.»⁵¹

Но участникам похорон из правящей верхушки было, конечно, не до уличного юмора. Проснувшись на следующий день после смерти Петра, они не смогли не ощутить, что ситуация коренным образом изменилась, что отныне так, как было при Петре, уже не будет никогда, ибо все, что делал Петр, правильно или неправильно, было освящено его огромным авторитетом, его поистине безграничной властью, полученной им давно и по праву рождения не нуждавшейся в доказательствах и обоснованиях. Самые близкие к нему сановники были под сильным влиянием личности реформатора, они смотрели на мир его глазами, поэтому многие недостатки и пороки системы ими преуменьшались или казались легко исправимыми, а решения даже самых сложных проблем — простыми, так как всегда всю ответственность за последствия брал на себя Петр — истинный руководитель страны, мозг и душа начатого им же грандиозного дела. После смерти его все переменилось. Но это уже другая и тоже длинная история...

«Сочинил из России самую метаморфозис, или претворение», — эти слова вице-канцлера П. П. Шафирова из его трактата 1717 года «Рассуждения о причинах Свейской войны» дают представление о том, что уже современники отчетливо понимали значение происходящего на их глазах преобразования России. Потрясение было особенно сильным потому, что в основе «метаморфоза» лежала воля одного-единственного человека, подобно античному титану поднявшего непосильную тяжесть. И это — несомненно, что бы мы ни говорили о роли его сподвижников, «производительных сил» и т. д.

Время показало удивительную жизнеспособность многих институтов, созданных Петром. Коллегии просуществовали до 1802 года, то есть 80 лет; подушная система налогообложения, введенная в 1724 году, была отменена лишь 163 года спустя — в 1887-м.

Последний рекрутский набор состоялся в 1874 году — спустя почти 170 лет после первого. Синодальное управление русской православной церковью оставалось неизменным почти 200 лет, с 1721 по 1918 год. Наконец, созданный Петром в 1711 году Правительствующий Сенат был ликвидирован лишь в декабре 1917 года, спустя 206 лет после его образования.

⁵¹ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 391 — 401; Кн. 4, с. 256 — 269; Кн. 5, с. 156 — 157.

В истории России трудно найти примеры подобной долговечности институтов, созданных сознательной волей человека. Поэтому понятно то восхищение, которое вызывал и вызывает великий реформатор России, и те споры о значении личности Петра и его реформ, которые не утихают уже третье столетие.

С давних пор в оценке Петра исследователи разделялись на «славянофилов» и «западников», точнее — «государственников». Примечательно, что слабые голоса первых, обращавших внимание на урон, который понесла традиционная русская культура в результате внедрения в нее чуждых ей западных элементов, подавлялись мощным хором «государственников», доказывающих с привлечением бесчисленного количества исторических документов своевременность, пользу и ценность реформ, их блестящие результаты. Вряд ли целесообразно ввязываться в вековой спор и высчитывать подобно историку второй половины XVIII века князю М. М. Щербатову, через сколько столетий наша страна дошла бы до нынешнего состояния, не будь в ее истории великого реформатора...

Петр был, и это меняет все, даже наше восприятие времен, предшествовавших петровским реформам. В руках Петра, писал М. П. Погодин, «концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая (фигура. — Е. А.) в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее»⁵².

Эти слова, написанные почти 150 лет назад, особенно актуальны сейчас, когда наше общество вошло в эпоху преобразований, от глубины, последовательности и радикальности которых зависит судьба наших детей и внуков.

Петр и его реформы приковывают наше внимание, ибо они стали синонимом перелома, отличавшегося какой-то яростной бескомпромиссностью, радикализмом, даже революционностью. Мысль об этом не нова — еще А. И. Герцен писал: «Под императорской порфиroy в Петре всегда чувствовался революционер»⁵³. Но мы знаем, что революционность может быть различна, отличительная черта ее — последовательное и глубокое стремление к преобразованию, коренной ломке общества.

⁵² Погодин М. П. Петр Великий // В кн.: Историко-критические отрывки. Т. 1. М., 1846. С. 341 — 342.

⁵³ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. М., 1856. С. 173.

Правда, остается открытым вопрос о цели революционной ломки. В петровской России такая ломка привела, в конечном счете, к закреплению и упрочению крепостнических структур.

Максимилиан Волошин в поэме «Россия» пишет, стремясь уловить роковую связь времен:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...

«Приемы Петра были совершенно большевистские»⁵⁴, — вторит поэту Николай Бердяев.

Здесь-то и возникает важнейшая, коренная проблема преобразований на русской почве: как, каким путем идти к осуществлению правды, справедливости, к всеобщему счастью? Путем ли насильственного прогресса, когда считалось нормальным, допустимым пожертвовать одной частью народа ради светлого будущего остальных, когда средством достижения высоких целей выбирали насилие, принуждение? Именно таким путем и шел Петр-реформатор.

Идея прогресса через насилие многим казалась (и до сих пор кажется) заманчивой, привлекательной. С ее помощью, казалось бы, можно так легко и быстро достичь желанной цели. В этой идее как бы материализовалась сжигавшая многих преобразователей России жажда немедленных радикальнейших перемен, стремление добиться результата «сейчас же и тут же».

«Реформа Петра была неизбежна, — пишет Бердяев, — но он совершил ее путем страшного насилия над народной душой и народными верованиями. И народ ответил на это насилие созданием легенды о Петре как Антихристе»⁵⁵.

Нельзя сказать, что идея решительной и систематической ломки появилась у Петра сразу, оформилась вначале как теория и затем реализовывалась по заранее утвержденному плану. Скорее всего, поначалу никакой осмысленной развернутой программы преобразований у молодого царя не было, а было страстное желание выбраться из крайне неблагоприятных обстоятельств, в которых он и Россия оказались после неудачного начала Северной войны. Применяв чрезвычайные меры, Петр сумел в короткий

⁵⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12.

⁵⁵ Там же.

срок достичь значительных и впечатляющих результатов. Многое препятствовало ему, но многое и благоприятствовало: неограниченная самодержавная власть, организаторский талант, воля и энергия, соединенные с беспощадной жестокостью, терпение, необходимое государственному деятелю столь крупного масштаба, толковые помощники, неисчерпаемые возможности страны, дарования ее народа и т. д. И в итоге экстраординарные меры, давшие столь осязаемый результат, каким была прежде всего блестящая победа над одним из сильнейших государств мира — Швецией, были признаны универсальными и, самое главное, единственно пригодными в условиях России средствами достижения того «общего блага», к которому стремился привести страну ее великий реформатор.

Насилие, составлявшее суть экстраординарных мер, было зафиксировано в законах, заложено в устройстве государственного аппарата административно-репрессивного типа, отражено во всей системе иерархической власти. Именно в разнообразных формах насилия, ставшего регулятором созданной Петром системы, проявлялся ее тоталитаризм.

Конечно, было бы неверным все упрощать. Петровские реформы имели реальные корни в прошлом, в экономическом и социальном развитии предыдущих эпох, в традициях власти и подчинения в России. Петр резко интенсифицировал происходившие в стране процессы, заставил ее совершить гигантский прыжок, перенеся Россию через несколько этапов, которые она рано или поздно неминуемо прошла бы.

«Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, — пишет Бердяев, — между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации»⁵⁶.

Вместе с тем вся революционность Петра имела, как ни парадоксально это звучит, отчетливо консервативный характер. Модернизация институтов и структуры власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима — вот что оказалось конечной целью. Речь идет об оформлении самодержавной формы правления, дожившей без существенных изменений до XX века, о формировании системы бесправных сословий, ставшей серьезным тормозом прогресса, наконец, о крепостничестве, упрочившемся в ходе петровских реформ.

⁵⁶ Там же.

Петровское время принесло не только впечатляющие достижения, блестящие воинские победы, способствовало усилению национального самосознания, включению России в общеевропейскую семью народов. Петровское время—это еще и апофеоз этатизма, не оставляющего практически и до сих пор места для иных, негосударственных, форм общественного существования. Это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности—вождя, «Отца Отечества», «Учителя». Это и время запуска «вечного двигателя» отечественной бюрократической машины, работающей по своим внутренним и чуждым обществу законам и до сих пор. Это и всеобъемлющая система контроля, паспортного режима, фискальства и доносительства, без которых не могла существовать и наша «административно-командная система».

Время Петра—это и столь характерные и для нашего общества страх, индифферентность, социальное иждивенчество, внешняя и внутренняя несвобода личности. Наконец, победы на поле брани соседствовали с подлинным культом военной силы, милитаризмом, военизацией гражданской жизни, сознания, с навязыванием с помощью грубой силы своей воли другим народам, сколачиванием огромной империи, оформлением стереотипов имперского мышления, сохранившихся в общественном сознании и до сих пор.

Личность Петра, как мы видим, была в центре внимания современников, которые много писали о нем и его преобразованиях. Оба эти понятия—личность реформатора и сами реформы—неразделимы, и это, несмотря на относительную обширность мемуаристики, представляет определенную трудность для составителя. Оценить значение личности великого царя, как правило, можно лишь в контексте всего изображаемого в конкретных мемуарах периода, с учетом особенностей написания мемуаров, позиции их авторов.

В принципе необходимо научное издание серии мемуаров, заново переведенных, прокомментированных, с указателями и библиографией. Работа это чрезвычайно трудоемка, она, в сущности, только началась.

Было бы оправдано с научной точки зрения подождать издания полного корпуса мемуаров о Петре, а потом, выбрав наиболее интересные, публиковать. Но наше время не ждет, ибо десятилетия читающая, любящая историю публика сидела на голодном пайке, перебиваясь историческими романами. И претензии к историкам, упреки в «сокрытии отечественной истории» слышатся ныне со всех сторон. И хотя не столько историки виноваты в этом, они, тем не менее, разделяют ответ-

ственность за созданный дефицит информации. Восполнить его и призвана данная книга, как и вся серия.

В настоящем сборнике помещены мемуары и другие документы, которые позволяют читателю самому составить представление о личности Петра. Не скрою, что наряду с чисто апологетическими сочинениями я сознательно поместил в сборник источники, дающие, прямо скажем, не самые восторженные отзывы о Петре. Мне кажется, что подлинно объемный, «цветной» портрет великого царя невозможно написать какой-нибудь одной краской. А так, к сожалению, было в прошлом. Желанием Сталина, талантливым, но услужливым пером Алексея Толстого, был создан однозначно трактовавшийся облик великого царя-реформатора, беспощадно прокладывающего через леса, моря, трупы своих подданных дорогу к «общему благу». Петр был, в сущности, введен в государственный пантеон истории тоталитаризма. В этом пантеоне наряду с негодями было немало выдающихся людей, чьими именами гордится народ: Александр Невский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов, Нахимов и Корнилов, Ломоносов и Радищев. Этот список можно продолжить, но суть не в этом — как только ко всему противоречивому, яркому, самобытному, сияющему красками, одним словом — живому прошлому — прикасается рука тоталитаризма, это все сразу же тускнеет, мертвеет, «бронзовеет», утрачивает привлекательность, и живые люди превращаются в покрытых многими слоями юбилейного лака идолов. Так было со многими деятелями русской истории. И не могй отойти от трафарета, предписанного свыше, иначе будешь — «очернитель»! Не дай Бог сказать, что в характере Суворова было немало непривлекательных черт, что Ломоносов в отсутствие своего коллеги по Академии рылся в его вещах, чтобы найти компромат, и т. д. Но ведь люди, несмотря на величие их дел, остаются людьми с присущими каждому пороками, недостатками и ошибками. И, чтобы понять их и понять прошлое, мы должны знать все без утайки. И не нужно ханжеского умолчания.

Истинный гений останется в памяти потомков, несмотря на его недостатки, благодаря яркости своего таланта, значению сделанного им.

Вот и Петр. Иностранные мемуаристы и авторы записок и дневников смотрят на него как бы со стороны, они подмечают то, чего не видят или не хотят видеть его соотечественники — собиратели анекдотов о подвигах «ироя». Подбирая отрывки из мемуаров, я не ставил цели умышленно выделить то, что мне кажется в них главным. Принцип был один: где появляется Петр, где автор его наблюдает вживе — то и нужно дать читателю. И пусть сам читатель разберется, заинтересуется,

в поисках подтверждения своим мыслям, сомнениям обратится к литературе, сам прочтет подлинник, сделает первую пометку в тетради. Я уверен—он очень скоро увлечется: мир истории беспределен, это то новое измерение, которое дает наслаждение вечностью— за минуты, часы, дни ты пересекаешь гигантские пространства времени, ты видишь людей, живших сотни, тысячи лет назад, и понимаешь, как условны и хрупки наши хронологические перегородки XVII век, век XVIII, 1917 год...

Не пройдет и 1000 лет, как люди будут говорить: «Петр, Наполеон, Сталин—ведь все они жили в конце второго тысячелетия от Рождества Христова!»

Может быть, эта книга поможет читателю в постижении истории как единого и непрерывного живого процесса.

Евг. Анисимов